

М. Томара

**Жизнь замечательных людей.
Бабек**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М. Томара**
Жизнь замечательных людей. Бабек / М. Томара – М.: Книга по Требованию, 2021. – 200 с.

ISBN 978-5-458-24151-9

...За много веков до появления Ислама Азербайджан становится крупным центром зороастризма. Здесь находятся самые почитаемые зороастрийские храмы, здесь живут маги - зороастрийские жрецы. Поэтому неудивительно, что, когда в Азербайджане в начале IX века поднялось крестьянское восстание, под руководством простого крестьянина Бабека, превратившегося впоследствии в народного вождя и великого полководца, лозунгом своим восставшие принимают борьбу с исламом и восстановление древних верований. Точных сведений о годе рождения Бабека ал-Хуррами нет, но из косвенных указаний большинство исследователей считают, что родился он в 798-800 году. Отца его зовут Абдалла. Это чисто арабское имя указывает на то, что он был мусульманином. Однако, не исключено, что он только внешне принимает Ислам, как это делают многие представители покоренных арабами народов ради освобождения от подушной подати... В настоящем издании представлен биографический роман о Бабеке (ок. 798 или 800 - 838), предводителе антиарабского народного восстания в Азербайджане и Западном Иране.

ISBN 978-5-458-24151-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

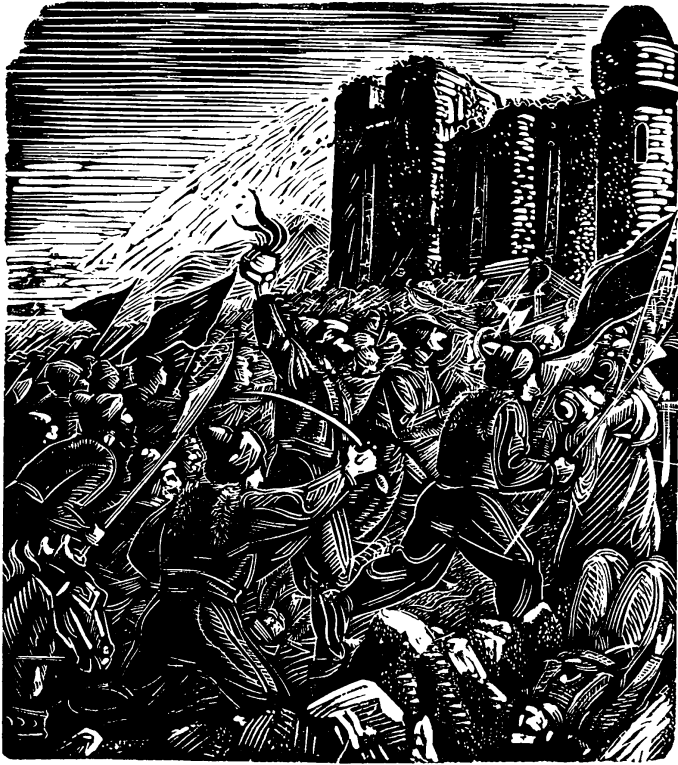
Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Бабек

Хуремиты *

То было в начале VI века. Арабские кони еще не топтали нив и пастбищ Ирана, страной правили еще цари из туземной династии Сассанидов, господствовала официальная религия Зороастра и в бесчисленных храмах горел священный неугасаемый огонь — лучшее творение доброго бога Агура Мазды, дававший тепло в холодные ночи и свет, от которого бежали злые духи и хищные звери.

Иранский крестьянин, прикованный к земле, принадлежавшей не ему, а либо царю, либо знати — крупным феодалам, занимавшим высокие посты при дворе, правившим провинциями, командовавшим войсками, — этот крестьянин стонал под бременем налогов и податей, земельных, подушных и иных. Не слаще жилось и тем из крестьян, которые находились под властью мелких помещиков, дехканов, разбогатевших крестьян, происходивших из старших в роде среди первых поселенцев того или другого селения.

* Слово «хуремит» обозначает по-арабски людей веселой разгульной жизни.

Феодалы непрерывно восставали против царей, свергали и убивали их. Цари не щадили враждебных им феодалов. «Царь Гормизд, — как говорит арабский историк Табари, — казнил 13 600 человек из знати, заботился о простых воинах, а с рыцарями был скуп; с трудом переносил общество знати, был благосклонен к ничтожным людям». Феодалы его свергли.

Хозрой II «притеснял знать» и был убит.

Такую же борьбу с феодалами вел и царь Кавад. В его время, т. е. в начале VI века, появился в Иране мобед, т. е. служитель религии Зороастра, — Маздак, который стал проповедывать странное, неслыханное дотоле учение. Он не проповедывал никаких ересей, никаких отклонений от государственной религии, он учил, что надо быть добродетельным, избегать всяких преступлений. Преступления же всегда происходят из-за женщин и из-за богатства. А потому, чтобы не было преступлений, надо уничтожить право собственности, раскрепостить женщин, а богатство передать бедным.

В случае надобности он прибегал для вящего убеждения слушателей к уловкам и приемам, излюбленным его сословием. Он прятал в подземелье преданного человека и зажигал над подземельем священный огонь. И вот из огня раздавался голос, повелевавший слушаться Маздака и исполнять его веления.

Да и без этих ухищрений учение Маздака привлекало широкие массы иранской бедноты. Крестьянство Ирана, находясь в крепостной зависимости у крупных и мелких землевладельцев, неизбежно разорялось от чрезмерных обложений и повинностей.

В угнетенных массах издревле ходили предания о бывшем когда-то золотом веке, о добром царе Ширвине, при котором крестьянин жил в довольстве на

собственной земле, не зная крепостной зависимости, ни угнетения господ, ни невыносимого бремени налогов. И тверда была вера, что Ширвин появится, прогонит господ и вновь настанет золотой век. И вот, казалось, долгожданное время пришло. Сотни тысяч обнищавших крестьян покидали ненавистные места и шли за Маздаком. Революционное учение широко разливалось по Ирану. Народные волнения и крестьянские восстания вспыхивали в разных краях Ирана.

Царь Кавад вел ожесточенную борьбу с феодалами, но не мог с ними справиться: войско Ирана состояло из ополчения, которое набиралось теми же феодалами; отряд личных телохранителей царя был явно недостаточен для этой борьбы. Торговая буржуазия имела тогда еще весьма мало значения.

Стремясь успокоить народные волнения и вместе с тем привлечь на свою сторону крестьянство, чтобы, опираясь на него, обуздать феодалов, Кавад приблизил к себе Маздака, сделал его своим главным советником и предпринял ряд реформ в духе его идей. Женщины освобождались от гаремного заточения, земли отбирались у помещиков. Феодалы упорно боролись за свои привилегии, и плохо вооруженные крестьяне не были в состоянии одолеть закованных в броню конных рыцарей. Победа, в конечном счете, осталась за феодалами; крестьяне были разбиты, и Кавад был взят в плен и заточен в крепость. Скоро, однако, ему удалось бежать в соседнее государство, лежавшее на север от Аму-Дарьи, к турецкому хакану. Хакан согласился оказать ему поддержку, и через четыре года после бегства из Ирана Кавад вернулся при помощи турецких войск и вновь овладел престолом.

Революционное движение, поднятое проповедями Маздака, принимало все более грозный характер, и Кавад предпочел помириться с феодалами, отменить реформы, навешанные учением Маздака, и бросить все силы на подавление восставшей бедноты. Что касается Маздака, то, по некоторым источникам, сам Кавад, по другим — его сын и преемник Хозрой Нушерван велел схватить проповедника и предать его мучительной казни. Приверженцы Маздака подверглись жестокому гонению. За последние годы царствования Кавада им и его преемником было истреблено более ста тысяч маздакитов.

Движение было подавлено. Приверженцы Маздака загнаны в глубокое подполье, но идеи его продолжали жить в угнетенных массах, наравне с легендой о царе Ширвине. Особенно многочисленными приверженцы Маздака остались в северных областях Ирана: в Азербайджане, западном Джебале, Гиляне, Мазандеране и Хорасане. Много было их и в Иране, — в окрестностях иранской столицы Мадаине, или Ктезифоне.

Прошло сто лет, и кочевники восточной Аравии, гонимые земельной нуждой и недостатком пастбищ, ринулись на благодатные нивы Ирана для захвата богатой добычи и тучных полей. В битве при Кадезии они громили многочисленное, но нестройное ополчение Ирана, взяли и разграбили столицу, поделили несметную добычу. Земли Савада, принадлежавшие до того царю, перешли в собственность мусульманского государства, а крестьяне оставлены на земле с обязанностью платить казне халифа подушную подать и оброк за землю — харадж. Обложение было едва ли тяжелее, чем при туземных царях. При исключительном плодородии низовьев Тигра и Евфрата, ко-

торые давали урожай пшеницы сам-сто в первый год и сам-тридцать во второй год от оставшихся на поле необработанных зерен, харадж в размере четырех дирхемов с джериба * казался не слишком обременительным; тяжело было то, что за пахотные земли, которые крестьянин не мог засеять, он должен был платить оброк в размере одного дирхема с джериба.

После небольшой передышки арабы двинулись на восток. В битве при Нехавенде, на пороге Иранского плоскогорья, была разгромлена последняя армия царя, и шестнадцать лет спустя после битвы при Кадезии весь восток Ирана подпал под власть правителей арабов — халифов.

Арабы не встречали почти никакого сопротивления. Могущественные феодалы, особенно многочисленные в восточных провинциях, предпочитали покоряться без боя и заключать с арабами мирные договоры. Им оставались их земли, они продолжали управлять своими подданными, сохраняли свою религию, только должны были платить одновременно условленную по договору сумму и затем ежегодно вносить определенную дань. Конечно, в этих областях положение крестьянства ухудшилось, так как платежи арабам перекладывались на крестьянство, а бремя оброков и повинностей, лежавших на нем ранее, не снималось. Единственным выходом из тяжелого положения для крестьянина оставался переход в ислам. Перешедший в ислам освобождался от крепостной зависимости, уходил из селения, забирая свою движимость. Поле свое он должен был передать односельчанам. На его односельчан перекладывались и все повинности, ко-

* По исчислению известного востоковеда Кремера, дирхем в переводе на современные деньги равен золотому франку (37,5 коп. зол.). Джериб равен приблизительно $\frac{1}{30}$ гектара.

торые нес уходящий. Общая сумма дани с селения не уменьшалась с его уходом, и тяжесть ее давила еще больше на оставшихся.

Сам новообращенный направлялся в город, должен был приписаться к какому-нибудь арабскому племени и заносился в списки арабского войска, получал права на жалованье, которое первое время халифата уплачивалось всем мусульманам. Приписка к арабскому племени делала его клиентом (мевла) этого племени, что ставило его в положение раба, отпущенного на волю своими господами. Он оказывался в полной зависимости от своего патрона: не имел права жениться, не мог выдать дочь замуж без согласия своего патрона; если он умирал без прямых наследников, его имущество переходило к патрону. Арабы глубоко презирали покоренные ими народы: например, в разговоре между собой они называли друг друга почетным именем: «О, отец такого-то Абу Бекр—отец Бекра, Абуль Аббас — отец Аббаса», новообращенных же называли просто по имени, наравне с рабами. Общественное положение клиента в арабской империи характеризует поговорка того времени: «Молитву делает недействительной прикосновение к молящемуся собаки, осла и мевла». Таким образом прав, присвоенных мусульманину-завоевателю, новообращенный не получал, однако положение его на некоторое время улучшалось и он освобождался от крепостной зависимости и уплаты подушной подати, мог уйти в город и заниматься там торговлей и ремеслами; жалованье, положенное каждому мусульманину, поддерживало его существование. Однако выплата жалованья производилась только первое время халифата, и скоро оно стало выплачиваться только военнотружущим.

В северо-западных областях Ирана, в Азербайджане

не, в Арране, Мукане, Гамадане, крупных феодалов было мало, и многие из них погибли во время войны, зато был многочислен класс мелких помещиков-крепостников, дехканов. Часть их оказала арабам сопротивление, земли их были завоеваны и стали государственной собственностью, на крестьян был наложен оброк и подушная; часть же дехканов предпочла покориться без боя и заключить мирные договоры на условиях уплаты дани. Впрочем и там, где дехканы потеряли свои земли, они приспособились к новому строю. Арабы-завоеватели, большей частью из кочевых племен, были неграмотны, незнакомы ни с земледелием, ни с ведением каких-либо книг и отчетностей, не знали к тому же языка подвластных им народов. Дехканы перешли в мусульманство и стали посредниками между населением и новыми хозяевами; из них набирались агенты по сбору оброков и податей, счетоводы, управители селений.

Таким образом, в этих областях положение крестьян ухудшилось. Где действовали договоры, им приходилось нести двойное бремя: выплачивать дань арабам и нести обычные повинности своим дехканам; там, где земли стали государственными, помимо уплаты хараджа и подушной правительству, им приходилось выносить всяческие утеснения и вымогательства со стороны сборщиков. Если по местным условиям харадж взимался деньгами, с крестьян требовали уплаты полновесным серебром, между тем как в обращении были почти исключительно старые потерянные монеты сассанидских времен; если харадж взимался в виде части урожая (половина с орошенных естественно и четверть или треть с орошенных искусственно земель), сборщики обвешивали и обмеривали крестьян при приемке продуктов и кроме того прижимали

их тем, что не позволяли расходовать ничего из урожая, пока он полностью не собран и доля правительства не выделена.

Самый взнос платежа являлся поводом к унижениям и оскорблениям. Установился, например, обычай: после того, как плательщик опускал деньги в руку принимавшего платежа, прислужник последнего ударом кулака в шею выталкивал крестьянина из комнаты. Впрочем и дехканам и старшинам, ответственным за сбор налогов с своих селений, жилось не сладко. Если платежи не были собраны и внесены полностью к сроку, арабские чиновники подвергали их истязаниям: подвешивали им на шею тяжелые камни или кувшины с водой, выставляли голыми на полуденное солнце, заставляли часами стоять на одной ноге и т. д.

Чем дальше, тем больше ухудшалось положение крестьянства. Когда халифов, живших в Медине и опиравшихся на мединских землевладельцев, сменили халифы дома Оммайдов, ставленников арабской родовой знати, перенесших столицу в далекий Дамаск, — положение крестьянства Ирана стало невыносимым. Арабская знать требовала денег и денег, халифы осыпали ее золотом, и миллионы, стекавшие в Дамаск, расходились тут же на подачки знати, на роскошь двора, на постройки дворцов и мечетей. В провинции ничего из этих богатств не возвращалось. В странах, где земледелие основано на искусственном орошении, халифы не тратили ничего на прорытие каналов, на очистку их, возлагая эту работу на само население, а нередко одно только поддержание уже существующих каналов требовало от крестьян половину их рабочего времени.

В непрерывном стремлении увеличивать доходы с иранских областей халифы придирались ко всякому